

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.46>

Ларионова Татьяна Владимировна

Механизм преобразования дискурсивного пространства вследствие речевого конфликта

В работе представлена проблема определения сущности и функциональных характеристик конфликтного дискурса. Автор анализирует конфликтный дискурс в качестве модификатора дискурсивных характеристик институционального и лично-ориентированного дискурса: пространственно-временных параметров, дискурсивных ролей и целей коммуникантов, - что составляет новизну данной статьи. Цель исследования заключена в установлении и описании механизма преобразования дискурсивного пространства при возникновении конфликта. Полученные результаты показали, что конфликтный дискурс соотносится с квазиреальной действительностью, что определяет наличие архетипичных речевых практик, условность дискурсивной информативности и адекватности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 220-225. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-25

Дата поступления рукописи: 20.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.46>

В работе представлена проблема определения сущности и функциональных характеристик конфликтного дискурса. Автор анализирует конфликтный дискурс в качестве модификатора дискурсивных характеристик институционального и личностно-ориентированного дискурса: пространственно-временных параметров, дискурсивных ролей и целей коммуникантов, – что составляет новизну данной статьи. Цель исследования заключена в установлении и описании механизма преобразования дискурсивного пространства при возникновении конфликта. Полученные результаты показали, что конфликтный дискурс соотносится с квазиреальной действительностью, что определяет наличие архетипичных речевых практик, условность дискурсивной информативности и адекватности.

Ключевые слова и фразы: конфликт; конфликтный дискурс; квазиреальная/анасимметричная действительность; симулякр; дискурсивное пространство; институциональный (управленческий) дискурс; речевые практики общения.

Ларионова Татьяна Владимировна, к. филол. н.

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
tnesheva@yandex.ru

Механизм преобразования дискурсивного пространства вследствие речевого конфликта

В последнее время феномен «конфликт» и способы его вербального и невербального выражения становятся предметом как лингвистических, так и смежных с лингвистикой исследований с преобладанием последних [6; 15-17]. Междисциплинарный подход к изучению сущности, функциональных особенностей языкового/речевого конфликта объясняется противоречивой природой самого феномена и необходимостью анализа социальных, психологических, культурных условий возникновения, развития и разрешения конфликта и конфликтогенных ситуаций. Возникновение данных условий диктуется самой «говорящей личностью как продукта социальных отношений» [1], в результате чего традиционно конфликт рассматривается с точки зрения противоречий взаимодействия коммуникантов [12], которое может возникнуть на любом этапе общения и в любой коммуникативной ситуации. Данный факт подтверждается изучением феномена конфликтного взаимодействия в разнообразных типах дискурса [6; 14; 15]. **Актуальность** исследования конфликтного дискурса объясняется наличием междисциплинарного интереса к феномену конфликта в целом и отсутствием систематического описания содержательной сущности данного явления и его функциональных характеристик с позиции реализации в ином дискурсивном пространстве.

Возникновение конфликта между участниками конкретного типа дискурса преобразовывает устоявшиеся рамки общения. Выдвинем предположение, что, внедряясь в дискурсивное пространство, конфликт изменяет его типичную модель, преобразовывая цели и роли коммуникантов, что заставляет взглянуть на проблему сущностных характеристик конфликтного дискурса не только с позиции «амбивалентного взаимодействия коммуникантов» [2, с. 6], но также с точки зрения его соотносительности с действительностью. **Научная новизна** данной работы заключается в том, что конфликт впервые для научной практики будет представлен в качестве модификатора дискурсивного пространства, в первую очередь действительности, реализуемой в дискурсе.

Цель данной публикации – определить и описать механизм дискурсивного преобразования вследствие возникновения конфликтной ситуации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить пространственно-временные рамки конфликтного дискурса, дискурсивные роли его участников;
- 2) проанализировать соотносительность таких параметров, как время, место реализации дискурса, цели и роли его участников, с аналогичными в преобразуемом дискурсе;
- 3) описать изменения прагматического аспекта общения участников разнородных типов дискурса вследствие возникновения конфликта;
- 4) определить составляющие механизма дискурсивного преобразования при интеграции конфликтного дискурса в ином дискурсивное пространство.

Для решения первой задачи обратимся к понятийным признакам квазиреальной действительности, так как амбивалентный характер взаимодействия участников дискурса подразумевает и противоречивость дискурсивной действительности. Это позволит дать корректную характеристику всех дискурсивных параметров.

Если реальная модель стремится к отражению всех элементов соответствующего дискурса в узнаваемой для участников общения форме, то «квазиреальная модель создает образ эфферентно: синтезирует его, конструирует из языковых выражений. По способу своего образования квазиреальная модель оказывается обратной, анасимметричной по отношению к модели реальности» [4, с. 50]. С одной стороны, конфликтный дискурс отражает реальную действительность, так как он производится этой реальностью. С другой стороны,

нередко отсутствие логичной аргументации, эмоциональность участников конфликта создают упомянутую выше квазиреальную модель с асимметричными временем, пространством, участниками и даже действиями. Квазиреальная модель «питается» реальной ситуацией общения, становясь ее копией, но с отсутствующим содержанием. На наш взгляд, в данном случае более уместно говорить даже не о копии, а о копии копии или симулякре. Рассмотрим данный термин в отношении конфликтного дискурса более детально.

Понятие симулякра как знака без содержания не является новым для современной лингвистики. В работе «Симулякры и симуляции» Жан Бодрийяр развивает идею репрезентации без презентации, высказанную еще Платоном [3]. Значимым для данной работы является его утверждение: «Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [Там же]. В ситуации конфликта с проявлением речевой агрессии создается и отрывается от действительности новое коммуникативное пространство, насыщенное квазиэлементами: квазиреальными временем, пространством, участниками, действиями.

Сущность данных явлений раскрывается через понятие нормы как коллективно-субъективного представления о признаковых характеристиках оцениваемого объекта. В данном случае норма становится стабилизатором на градуальной шкале. На наш взгляд, уместно сравнить норму со стереотипным восприятием ситуации общения. Если квазиреальные элементы представляют собой отступление от нормы, то их определение так или иначе связано с отступлением от привычных практик общения. Квазиреальное время – неожиданный в силу готовности к стереотипной ситуации общения одним из участников дискурса временной интервал, вызывающий у него негативное эмоционально-психологическое состояние. Квазиреальное пространство – утратившие референциальность с ситуацией общения, невозможные для одного из участников координаты, заставляющие его либо выходить за пределы стереотипной практики общения, либо «выталкивать» собеседника. Квазиреальные участники приобретают несвойственные для них, например, социальные роли. Квазиреальные действия – отказ от сформированных у участников лингвокультурным сообществом стратегий и практик общения.

Рассмотрим высказывания, в которых семантическое содержание некоторых дискурсивных маркеров демонстрирует квазиреальность указанных параметров. В высказывании «Тебе наплевать, а им нет! Твой отец – мировая знаменитость, гений, бог знает кто! Он в России бывает раз в год, а может, и реже! Хотя раз в год ты можешь обойтись с ним по-человечески?!» (Т. Устинова. Одна тень на двоих) [13] представлено квазиреальное/анасимметричное время. В описываемой речевой разговорной практике словосочетание «хоть раз в год» становится синонимом «никогда». Для построения речевой тактики «упрека» говорящий исключает адресата из реального для себя временного пространства.

Квазиреальное/анасимметричное пространство, как правило, обозначено дейктическими маркерами: «Скажи просто и ясно: где, как и что я прошлепал... что эти сволочи откололи еще... где, как и какие нашли щели... И без предисловий, я тебе не приготовишка сопливый, мне уже за полста перевалило, и я тебе здесь не ради твоих орденов сижу...» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине) [Там же]. Пространственный маркер «здесь» не соотносится с реальной действительностью, он указывает на место, отсутствующее в поле зрения коммуникантов, но с его помощью говорящий «приближает» местоположение адресата к описываемой ситуации общения.

Статус «квазиреальные/анасимметричные участники» реализуется дискурсивными ролями коммуникантов. В высказывании «Ты попробуй быть сдержанной, когда два часа в очереди за этой картошкой отстояла... Потому что пьяные джентльмены все время без очереди лезут, да еще орут на тебя: “Щас как дам фэйсом об тейбл!”» (Л. Измайлов. Наши женщины) [Там же] эффект комичности достигается в первую очередь за счет ироничной номинации «пьяные джентльмены», в которой выражается, с одной стороны, отрицательное эмоциональное состояние говорящего, с другой стороны, формируется оценка происходящего за счет сопоставления несопоставимого.

В следующем примере приписываемая одним коммуникантом другому дискурсивная роль становится причиной конфликта: «Но у Вас такое остроумие, я бы сказала, на грани... язвительности. Это способ защиты? – Ничего себе, позвали на передачу, я думала, сейчас скажут: “Какая милая! Какая чудная! Какая хорошая! Позвали язву. Журналистов терпеть не может. Ничего себе начало!”» [7]. Проходящее в рамках телевизионного интервью общение с самого начала приобретает характер завуалированного конфликта. Неосторожно данная оценка вызывает отрицательную реакцию собеседника, который выражает обиду, возмущение путем открытого обозначения роли, ему, как он утверждает, не свойственной. Это позволяет ему перейти к прямому конфликту, несмотря на то, что ведущий не преследует такую цель.

Как правило, квазиреальные/анасимметричные действия соотносятся с *настоящим*: «Она настолько глупый человек, что даже оскорбить никого не способна. Нельзя относиться к пустому месту со значением. Это бессмыслица полная. Обращать внимание на человека, который ничего из себя не представляет... Мало ли что она может сказать? Она может написать только в сортире что-нибудь. Вот это ее уровень, – заметил Боярский» [11], с *будущим*: «Не надо, – его губы исказила брезгливая усмешка, – обойдемся без патетики. Ну хорошо, допустим, я добьюсь, чтобы твоего хахала выпустили. И что потом? Ты выйдешь замуж за богатенького вдовца и бросишь меня с моей милицейской мизерной зарплатой, так? И сына заберешь, чтобы он рос в холе, неге и достатке? Или как ты себе представляешь дальнейшие события?» (А. Маринина. Призрак музыки) [13], с *прошлым*: «Жуткая особа, просто жуткая... И всюду лезла, все время тянула одеяло на себя и совершенно не давала вздохнуть нормальным интеллигентным женщинам, если вы понимаете, что я имею в виду» (А. Маринина. Жизнь после жизни) [Там же].

В данных примерах говорящий додумывает действия того, на кого направлена речевая агрессия, что позволяет ему усилить отрицательный образ потенциального или реального оппонента. Сконструированные действия не имеют отношения к действительности и необходимы только для оказания эмоционального воздействия.

Приведенный анализ примеров позволяет заключить следующее. С одной стороны, конфликтный дискурс, как и любой дискурс, стремится к сохранению установленного порядка общения в лингвокультурном сообществе, так как он «не способен замечать и постигать что-либо кроме реального, потому что он не может функционировать больше нигде» [5, с. 32], что объясняется наличием в любой конфликтной ситуации пространственно-временных, личностных маркеров, с другой стороны, инициатор конфликта копирует указанные ориентиры (время, пространство, действия, роли участников), лишая их соотнесенности с действительностью, создавая только ту реальность, которую он может контролировать. Таким образом, происходит переход от реальной действительности к квазиреальной и изменение общей модели дискурса, в рамках которого возникает конфликтная ситуация, и формируется конфликтный дискурс.

Преобразование дискурса должно быть обозначено изменением всех дискурсивных маркеров. Решение второй задачи будет представлено на материале анализа фрагментов противоположных по субъектной ориентации типов дискурса, призванного продемонстрировать изменение пространственно-временных и социально-ролевых параметров дискурсивного пространства.

В первую очередь рассмотрим пример управленческого дискурса, в рамках которого разрешение конфликтных ситуаций не должно по определению менять сущность и функциональные особенности общения коммуникантов. Управленческий дискурс как образец институционального дискурса характеризуется целым рядом признаков институциональности, среди которых важным является то, что руководитель (адресант) обладает «монополией на истину» [8], и именно ему отводится ключевая роль в общении. Кроме того, управленческий дискурс ограничен рамками профессиональной деятельности специалистов и ведется для достижения взаимовыгодного соглашения по обсуждаемому деловому вопросу [18]. Проанализируем влияние конфликтной ситуации на изменение данных признаков институциональности управленческого дискурса.

В следующем примере конфликт между коммуникантами возникает как следствие смены роли руководителя, который обладает «монополией на истину»:

Текст оригинала	Переводческие субтитры на русском языке
Secretary: The meeting's already started.	Секретарь: Совещание уже началось.
William Earle: What meeting? Fox, I seem to remember firing you.	Уильям Эрл: Какое совещание? Фокс, мне помнится, я тебя уволил.
Lucius Fox: You did. I got another job. Yours.	Люциус Фокс: Все верно. У меня другая должность. Твоя.
William Earle: On whose authority?	Уильям Эрл: Кто распорядился?
Bruce Wayne: Bruce Wayne.	Брюс Вейн: Брюс Вейн.
William Earle: What makes you think you can decide who's running Wayne Enterprises?	Уильям Эрл: С чего ты взял, что ты теперь решаешь, кто управляет «Уэйн Энтерпрайзес»?
Bruce Wayne: The fact that I'm the owner.	Брюс Вейн: Это право владельца.
William Earle: What are you talking about? The company went public a week ago.	Уильям Эрл: Что за бред? Акции компании были распроданы.
Bruce Wayne: And I bought most of the shares. Through various charitable foundations and trusts and so forth. Look, it's all a bit technical, but the important thing is that my company's future is secure. Right, Mr. Fox?	Брюс Вейн: Я скупил большинство акций. Через благотворительные фонды, тресты и так далее. Детали совершенно не важны, потому как самое главное, что у моей компании обеспеченное будущее. Верно, мистер Фокс?
Lucius Fox: Right you are, Mr. Wayne.	Люциус Фокс: Безусловно, мистер Уэйн.
(Mr. Fox asks Earle)	(Фокс обращается к Эрлу)
Lucius Fox: Didn't you get the memo?	Люциус Фокс: Ты не получил уведомление?

Данный пример представляет собой фрагмент кинодиалога из кинофильма «Бэтмен. Темный рыцарь. Часть 2» по экранизации комиксов Боба Кейна. Выбор данного фильма в качестве материала для исследования не случаен. Во-первых, данный фильм относится к жанру криминальных триллеров с элементами неонуара (кинематографический термин, обозначающий криминальную драму, отражающую настроения пессимизма, разочарования). Данный жанр подразумевает столкновение героев, в том числе коммуникативное. Во-вторых, данный фильм имел огромный кассовый успех и получил восторженные отзывы кинокритиков, как в мировой, так и в отечественной киноиндустрии, что дает основания считать его качественным с точки зрения дублирования.

В анализируемом фрагменте смена ролей адресанта и адресата наиболее четко прослеживается в тексте перевода, в частности, при выборе личных местоимений при обращении (преобразование уважительного «вы» в уничижительные «ты» и «твоя»). Если в начале общения адресант пытается сохранить роль управленца заявлением «это право владельца», то по мере того, как он теряет статус и самообладание, он утрачивает и контроль над ситуацией, произнося эмоционально «что за бред». Примечательным является и изменение временных маркеров дискурса. В высказывании «С чего ты взял, что ты теперь решаешь, кто управляет “Энтерпрайзес”» говорящий формирует свое ориентированное на настоящее и будущее дискурсивное пространство.

В следующем примере вербальный конфликт демонстрирует разрыв профессиональных границ:

«Новосельцев (Н): Вызывали?

Калугина (К): Ознакомилась с вашим заявлением, товарищ Новосельцев.

Н.: Весьма своеобразно ознакомились. Ну что ж, нет ничего проще написать второе.
К.: Ваше новое заявление постигнет та же участь.
Н.: Напишем третье, четвертое, пятое. Не буду работать под вашим началом, не хочу и не буду!
К.: Будете, товарищ Новосельцев.
Н.: Не буду, товарищ Калугина!
К.: Будете, еще как будете!
Н.: Еще как не буду!
К.: Я вас не отпускаю. Вы ведь у нас незаменимый работник!
Н.: Незаменимых у нас, как известно, нет. Найдете себе более порядочного, более честного, который не врет.
К.: Вы тоже, видимо, рассчитываете найти себе новую начальницу, помоложе и покрасивее, не так ли?
Н.: Так ли, так ли! Тем более, что это не проблема.
К.: Вы все время врываетесь в мой кабинет для того, чтобы меня оскорбить. Это, видимо, вам доставляет особую радость.
Н.: Я не врываюсь. Вы вызываете меня в свой кабинет и отрываете от работы.
К.: Я вас не вызывала.
Н.: Нет, вы меня вызывали.
К.: Идите себе работайте, кто вас задерживает?
Н.: Вы меня задерживаете. Вы не подписываете мое заявление, я не могу получить расчет.
К.: Пишите, я его завизирую. Я сделаю это с большим удовольствием.
Н.: Я пишу!
К.: Пишите, пишите, бумага не краснеет.
Н.: Не торопите меня, я же не пишущая машинка. Вот, пожалуйста, написал» (фрагмент кинофильма «Служебный роман», режиссер – Эльдар Рязанов, 1977 г.).

В анализируемом фрагменте руководитель в лице Калугиной сам передает контролирующую роль второму коммуниканту и нарушает границы профессионального общения («Вы тоже, видимо, рассчитываете найти себе новую начальницу, помоложе и покрасивее, не так ли?», «Вы все время врываетесь в мой кабинет для того, чтобы меня оскорбить»). Комичность ситуации создается за счет перехода от управленческого (институционального) дискурса к разговорному и наоборот. В первую очередь это проявляется на уровне выбора лексических средств: одновременное употребление в речи канцеляризмов и эмоционально-окрашенной лексики («Пишите, я его завизирую. Я сделаю это с большим удовольствием. Пишите, пишите, бумага не краснеет»).

Конфликтный дискурс по выбору языковых средств в большей степени соответствует лично-ориентированному дискурсу, но и в рамках такого типа дискурса он может преобразовывать привычное дискурсивное пространство.

Рассмотрим еще один фрагмент кинодиалога, в котором конфликтная ситуация «внедряется» в доверительное общение двух коммуникантов:

«Раиса Захаровна (РЗ): Надюша, не держите на Василия зла. Если вы его любите, вы не причините ему боли. Я понимаю, очень трудно такое сразу принять сердцу. Но ведь мы с вами люди, и у нас есть ра...зум. Что такое? Что это вы на меня так смотрите?»

Надя (Н): Ты ли, че ли?

РЗ.: Я, Надежда! Как вас по отчеству?

Н.: Ой, че делатца! Людк, а Людк! Глянь, че делатца! Эт ведь она!

РЗ.: Вы что намерены скандалить? Я ведь к вам пришла как к умной, взрослой женщине.

Н.: Ах ты, сучка ты крашена!

РЗ.: Почему же крашенная, это мой натуральный цвет. Ну я так понимаю, наша встреча подошла к концу. Спасибо за внимание. Мы обсудим с Василием сложившуюся ситуацию и результаты сообщим в письменном виде. До свидания, Люда. До свидания, Надя. Провожать меня не надо. Всего доброго. Живите дружно.

Н.: Щас я тебя провожу!

РЗ.: Девушки, уймите вашу мать! Зараза! Людк, а Людк, тьфу, деревня!» (фрагмент кинофильма «Любовь и голуби», режиссер – Владимир Меньшов, 1984).

В данном случае показательно изменение речевого поведения персонажа Раисы Захаровны. В начале общения в ее речи доминируют языковые средства, направленные на установление доверительных отношений, единение с коммуникантом, оправдание себя и главного героя («Я понимаю, очень трудно такое сразу принять сердцу. Но ведь мы с вами люди, и у нас есть ра...зум»). На фонетическом уровне это выражается в выборе соответствующих правилам языка интонации, произношения слов, отсутствии длительных пауз. Выбор лексических и грамматических средств свидетельствует об уровне образованности персонажа, о его уверенности и желании доминировать над вторым коммуникантом. Однако, потерпев неудачу в выборе стратегии общения, персонаж, находясь в сильном эмоциональном напряжении, использует те же языковые средства, что и второй коммуникант. Оба персонажа активно используют средства речевой агрессии: тактику угрозы («Щас я тебя провожу»), тактику оскорбления («Ах ты, сучка ты крашена», «Зараза... деревня»).

Анализ фрагментов дискурса показывает, что возникновение конфликта является значимым с точки зрения преобразования текущего дискурса. Во-первых, происходит изменение дискурсивных ролей говорящих. Во-вторых, институциональный дискурс, где значимым является сохранение институциональности, нередко приобретает признаки лично-ориентированного дискурса.

Исследование дискурсивных фрагментов отчасти уже продемонстрировало изменение прагматического аспекта общения коммуникантов. Возникновение конфликтной ситуации приводит к преобразованию цели и мотивов общения, как следствие – речевых стратегий и тактик. В случае управленческого дискурса стратегия кооперации уступает место противостоянию ради противостояния. В разговорном дискурсе доверительность, аргументированность заменены на подавление, манипуляцию. Иными словами, одной из доминирующих стратегий конфликтного дискурса выступает стратегия конфронтации.

Конфронтация (соперничество, конкуренция, соревнование, подавление, доминирование) – активное и самостоятельное поведение, направленное на удовлетворение собственных интересов без учета интересов другой стороны или в ущерб им. Под поведением в данном контексте подразумеваются любые попытки урегулировать конфликт на условиях одной стороны. На наш взгляд, конфронтация в данном случае выступает еще и как ориентирующая речевая практика общения, основы которой формируются в лингвокультурном сообществе и соотносятся с архетипами социального взаимодействия индивида со средой [9]. Стратегия конфронтации в большей степени связана с первичными для человека практиками общения матери с ребенком. Границы институционального дискурса формируются правилами и нормами института, в рамках которого осуществляется общение, что было рассмотрено нами выше. Возникновение конфликтной ситуации преобразовывает речевые практики общения коммуникантов, в частности, в речевую практику доминирования, манипуляции, которые соотносятся с такой архетипичной речевой практикой, как «мониторинг степени проницаемости границ собственного социального “тела”» [Там же, с. 145].

В рассмотренном разговорном дискурсе прагматический аспект представляет собой реализацию нескольких речевых практик в речевом поведении коммуникантов. Доверительный тон общения является результатом актуализации практики «формирования категории совместимости», когда один коммуникант «прогнозирует действия» [Там же, с. 84] другого. В этом случае адресант апеллирует к ценностным и значимым для адресата действиям («любите», «не причините», «понимаю») и отрицает его право проявлять самостоятельность. При возникновении конфликтной ситуации актуализируется практика «формирования интенциональной активности» [Там же, с. 92], когда адресант призывает выполнить конкретные действия, связанные непосредственно с ситуацией общения.

Исследование изменений дискурсивных параметров (пространственно-временных маркеров, дискурсивных ролей коммуникантов, характера соотнесенности с представленной в дискурсе действительностью, прагматического аспекта) позволяет определить механизм преобразования институционального или лично-ориентированного дискурса вследствие возникновения конфликтной ситуации. В первую очередь меняется вектор интенциональности преобразуемого дискурса. Во французской лингвистической традиции данному дифференциальному признаку дискурса уделяется особое внимание, поскольку именно интенциональность подразумевает стремление говорящего «войти во взаимодействие с собеседником» [10, с. 221]. С момента возникновения конфликта это стремление носит условный характер. Выше мы уже писали о том, что конфликтный дискурс выступает своего рода симулякром. Коммуниканты продолжают находиться в условиях общения, однако каждый из них стремится закончить его, сохранив за собой право резюмировать.

Изменяется и такой типичный дискурсивный признак, как информативность (наличие минимального информативного содержания), что обусловлено квазиреальными/анасимметричными параметрами конфликтного дискурса. Коммуниканты не соотносят, например, действия друг друга относительно дискурсивной действительности, что продемонстрировано в повторении реплик друг друга («Провожать меня не надо» – «Щас я тебя провожу», «Пишите» – «Я пишу»).

Изменение интенциональности и информативности приводит и к изменению дискурсивной адекватности, то есть соотнесения содержания общения с лингвистическими обстоятельствами. В первую очередь это обусловлено квазиреальным/анасимметричным характером действительности, представленной в конфликтном дискурсе.

Анализ языкового материала позволил сформулировать следующие **выводы** относительно содержательной сущности конфликтного дискурса и его функциональных характеристик.

1. Дискурсивное пространство конфликта сопряжено с особым видом реальности – квазиреальной действительностью: участники конфликта редко объективно оценивают условия дискурсивного пространства (время, место, дискурсивные роли). Как правило, один из коммуникантов (инициатор конфликта/адресант) моделирует указанные параметры для нанесения ущерба адресату. Сам конфликт в этом случае приобретает статус симулякра, копии текущего дискурса.

2. Внедряясь в рамки текущего дискурса, конфликт преобразовывает его, в первую очередь дискурсивные роли участников, что может привести к утрате институциональности у такой разновидности институционального дискурса, как управленческий дискурс.

3. Конфликтный дискурс характеризуется особым набором речевых практик общения коммуникантов, которые соотносятся с архетипичными практиками речевого общения, принятыми в лингвокультурном сообществе и формируемыми у индивида с самого рождения.

4. Конфликтный дискурс, обладающий статусом симулякра, преобразовывает дискурсивное пространство того типа дискурса, в которое он интегрируется, а именно изменяет вектор направленности интенциональности участников общения, придает информативности дискурса условный характер. Кроме того, дискурсивная адекватность преобразуемого дискурса оценивается исключительно с позиции квазиреальной/анасимметричной действительности.

Данные выводы, на наш взгляд, позволят в дальнейшем определить роль конфликтного дискурса в модификации когнитивного дискурсивного пространства.

Список источников

1. **Бахтин М. М.** Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи [Электронный ресурс]. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/960728-1-ft-mihail-mihaylovich-bahtin-freydizm-formalniy-metod-literaturovedeniya-marksizm-filosofiya-yazika-stati-sost.php> (дата обращения: 25.01.2020).
2. **Белоус Н. А.** Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2008. 48 с.
3. **Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляции [Электронный ресурс]. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/bodriyar_zh_simuljaky_i_simuljicii_2015/54-1-0-5307 (дата обращения: 16.01.2020).
4. **Борботько В. Г.** Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд-е 3-е, испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 288 с.
5. **Горелов И. Н., Седов К. Ф.** Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
6. **Даян С. Р.** Конфликтный диалог в художественном произведении [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2012. URL: <http://dissers.ru/1/filologiya/konfliktnyi-dialog-hudozhestvennom-proizvedenii-na-materiale-angloyazichnoy-hudozhestvennoy-literaturi-nachala-xxi-v-specialnosti.php> (дата обращения: 02.02.2020).
7. **Ефимов С. Ю.** Юлия Меньшова: Я не «говорящая голова» – мне не диктуют, что спрашивать [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <http://www.nsk.kp.ru/daily/26371/3252835> (дата обращения: 25.04.2017).
8. **Карасик В. И.** О типах дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017733.html?page=2> (дата обращения: 03.02.2020).
9. **Колмогорова А. В.** «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции. М.: Флинта; Наука, 2012. 177 с.
10. **Костошкина Г. М.** Современные направления во французской лингвистике. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2005. 332 с.
11. **Ларина Т.** Михаил Боярский жестко высказался о Бузовой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belnovosti.by/shou-biznes/mihail-bojarskiy-zhestko-vyskazalsya-o-buzovoy-nastolko-gloruy-chelovek-cto-dazhe> (дата обращения: 06.01.2020).
12. **Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.** Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elkniga.ru/static/booksample/00/19/15/00191530.bin.dir/00191530.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).
13. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2020).
14. **Резуенко М. Ф.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Резуенко М. Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/strategii-i-taktiki-rechevogo-povedeniya-sudei-gosudarstvennykh-obvinitel-i-advokatov-v-su> (дата обращения: 02.02.2020).
15. **Ручкина Е. М.** Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2009. 22 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003471804#?page=1> (дата обращения: 02.02.2020).
16. **Седов К. Ф.** Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика. Хрестоматия: учебное пособие / сост. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 250-277.
17. **Третьякова В. С.** Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2003. 35 с.
18. **Шилова С. В.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Шилова С. В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/soblyudeniye-i-narusheniye-printsipov-rechevogo-obshcheniya-v-delovoi-kommunikatsii-na-materia> (дата обращения: 03.02.2020).

Mechanism of Discursive Space Transformation in the Situation of Verbal Conflict

Larionova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
tnesheva@yandex.ru

The article aims to reveal the essence and functional characteristics of conflict discourse. Originality of the paper lies in the fact that conflict discourse is analysed as a modifier of discursive characteristics of institutional and person-oriented discourse: spatial-temporal parameters, communicants' discursive roles and purposes. The research objective is as follows: to identify and describe the mechanism of discursive space transformation in the situation of conflict. The findings indicate that conflict discourse correlates with quasi-reality, which explains existence of archetypal communicative practices, conventional nature of discursive informative value and adequacy.

Key words and phrases: conflict; conflict discourse; quasi-real / anasymmetrical reality; simulacrum; discursive space; institutional (managerial) discourse; communicative practices.